

ИСКАТЕЛИ...

Фотоэтюд А. КОХАНОВА.

реплика ИВАН КИВАЕТ НА ПЕТРА...

В СТАРОМ, обетовавшем зданиям, доставшемсямся плошади Маяковского еще из дореволюционных времен, в нагромождении металлических конструкций, деревянных частичек, по-мостов и строительных песков уступают контуры эркательного зала нового здания Московского театра сатиры. Момент представить, какими он будет, этот зал: светлым, просторным, нарядным, с пологим спадающим к авансцене нарядом амфитеатра, где с каждого места хорошо видна сцена, и, будем надеяться, столь же хорошо будут слышны голоса артистов.

Но возникает вопрос: когда же наконец все это будет?

Согласно установленным срокам строительства, следовало завершить в 1964 году. Срок этот сорван. Теперь рассчитывают открыть театр к первому мая 1965 года, но темпы и организация работ вынуждают серьезные опасения. Не хватает квалифицированных рабочих, особенно штукатуров, ощущается недостаток материалов, оборудования. Строители и монтажники работают только днем, в одну смену, вечером изнанка настройке замырает. Отсутствие единого графика с точным расписанием обязанностей всех работающих на стройке организаций порождает безответственность и нравственную.

Кто выходит? Представители организаций находят множество определений и сваливают вину друг на друга. Главмостстрой упрашивает проектировщиков за задержку технической документации и чертежей. Проектировщики парируют: легче спроектировать несколько новых зданий, чем разобраться в одном старом: что ни угоди, то «сюрприз».

Монтажники затянули установку металлоконструкций в эргономическом зале. Это в свою очередь откладывается на сроки отделочных и особенно монтажных работ — и в зале, и на сцене. Ведь одному только «твентонам» предстоит смонтировать сотни механизмов, проложить тысячи метров стального троса, десятки тысяч метров электропроводов, подвесить и отрегулировать машины, агрегаты, светильники. Нужно оснастить сцену мягкой одеждой и декорациями, в зале, кулисах, фойе, антре и уборных разставить мебель, поставить драпиры, расстелить ковры... Нужно, наконец, и актерам «сновить» сцену, подготовиться к новоселью.

Многое еще, очень многое даже на стройке Театра сатиры. От имени многих тысяч зрителей, от имени истощавшегося по своему «идому» коллектива театра мы обращаемся с просьбой к управляющему Главмостстроя Н. Пашенко, ко всем строителям и монтажникам:

— Пора кончать, товарищи!

Н. Ф.

«ПОНЯТЬ другого человека — одно из величайших наслаждений жизни. Но быть понятым другим — это, пожалуй, самый прекрасный и великий дар любви». Эти слова Хемингуэя, хотя и сказанные им по-иному повсюду, на мой взгляд, вполне определяют суть отношения художников и зрителя.

В самом деле, человек, пришедший на выставку, и художник, выставлявшийся на ней, — к кому сводится их общение? Только лишь к тому, что один показывает свою работу, а другой на нее смотрит? Но всмотритесь в лица стоящих у по-латонам людей, прислушайтесь к особенной типичности выставочных залов — и вы поймете, что здесь происходит большая, взаимовинтовая разговор между художником и зрителем. Здесь мыслимые являются вопросами и читаются ответами, здесь постоянно что-то утверждается и отрицается, а иногда и утрачивается.

И чтобы полным было такое общение, художник и зритель должны знать этот разговор на появившемся языке, будем говорить, на языке искусства.

К сожалению, довольно распространено мнение, будто в изобразительном искусстве все поразительно доступно и просто (но что, скажем, в музыке): мол, смотрят — и любуются, или смотрят — и возмущаются.

Несколько лет назад из одной из международных выставок экспонировалась картина итальянского мастера «Женщина есть красивый перекресток», тогда проходившая мимо, лишь скользнув глазом на полотно равнушного взгляда: не женщина, не есть красивый перекресток. Не сразу бросилось в глаза, что хотела сказать этой картиной художница, кото-рому, кстати, она стала несколькими месяцами позиционным заключением. На полотне были руки. Не просто человеческие руки. Не просто женские руки. Руки рабочего человека. Принесли к тяжелому, безрадостному труду.

И что же досталось человеку за его труду? Красный перекресток, приправленный пылью, которую еле-зрят на картине, и уединенное место в гипнотическом цирке Горгии. В голове подчас теснится любопытные сведения: о душе и так неискренне, о том же, что на этой выставке и на той тоже. Потрясающие! Правда, не потому, что было. Но, кажется, очень, очень мало.

Невежество само по себе, если под этим словом понимают отсутствие знаний, но так страшно, как невежество, довольствующееся случайными сведениями. Здесь нет и не может быть не только анализа сердечного и беспристрастного, но и искреннего чувства.

Вгляд, брошенный на картину, у такого, с позадиением сказала, «центре искусств» будет одинаково пуст и у пейзажа Ламанша, и у гипнотического цирка Горгии. В голове подчас теснится любопытные сведения: о душе и так неискренне, о том же, что на этой выставке и на той тоже. Потрясающие!

Смотреть и увидеть в искусстве — дело не одно и то же. Можно про-бежать по залам, лишь бегло взглянув на картины, и унести с собой картическое напоминание на-зываний и имен. Можно смотреть на полотна и не увидеть мир глазами художника — и тогда даже пейзажи Юона и Герасимова покажутся все-

ДАНЬ ВЗАИМОГО УВАЖЕНИЯ

го лишь раскрашенными картинами.

«Но если человек заразится настроением живописца, если поймет его мысль, сопрекнет с ним его чувства, то во каком-то мгновении и сам он, зритель, станет художником, сумеет познавать мир в образах. От чего же зависит это «введение жизни в глаза художника»?

Нужно ли говорить, что необходимо известная подготовка, что человек должен обладать хотя бы минимальным знанием «иззученных ис-

следий»? Так появляется предпосылька к выбору темы, к имени художника, ктворческому направлению.

«Кто выставляется на Кунсткамере? Такой-то? А-а, павлович, иначе, конечно, — и человек отправляется на выставку слово с похвалой на глазах, ибо предполагает собой действительность нечто неизвестное несет нам видеть. Она мешает искреннею общению зрителя с художником. Ведь утрачивают-ся яркость взгляда, а значит, человек не в состоянии бывает увидеть то новое, что появлялось в творчестве художника за последнее время. А если за этим рождается и поверхность суждений».

«Павлов Корин. Большой Вы-

зидиальный Вы, русский Вы, Вам Ильинский».

Это тоже из книги отзывов. И это тоже: «Тор. Серов! Не могу уйти с выставки, не скажав Вам большое спасибо за Ильину. Член партии с 1919 года такой-то». А вот запись совсем иная: «Как трудно найти во всем этом лампадки художника, его мысли, его чувство. К члену все это рассказало». Этюд из отзывов о выставке дилемм для работы. Чуть ниже торопливо бегут строки: «Здорово! Ну и галантно!».

Запись сотни тысяч. А сколько тут кто успел, ничего не написав, но ушел с выставки и не увидел, не увидел разнообразия индивидуальных почерков и всех молодых художников — от Филиппонова и Ивановой до Голицына и Комова — онемела оптом.

Другой «специалист» коротко отозвался о картинах импрессионистов, выставленных в Музее изобразительных искусств: «Мазни».

Разумеется, не всегда высказываются столь бесподобно и кратко. Встречаются отрывки, перенесенные из научных публикаций, да, пожалуй, впервые в истории.

«Все это бред смысла, который не-

важен», «Совсем глупые думы».

Запись сотни тысяч. А сколько тут кто успел, ничего не написав, но ушел с выставки и не увидел разнообразия индивидуальных почерков и всех молодых художников — от Филиппонова и Ивановой до Голицына и Комова — онемела оптом.

Другой «специалист» коротко отозвался о картинах импрессионистов, выставленных в Музее изобразительных искусств: «Мазни».

Разумеется, не всегда высказываются столь бесподобно и кратко. Встречаются отрывки, перенесенные из научных публикаций, да, пожалуй, впервые в истории.

«Все это бред смысла, который не-

важен», «Совсем глупые думы».

Запись сотни тысяч. А сколько тут кто успел, ничего не написав, но ушел с выставки и не увидел разнообразия индивидуальных почерков и всех молодых художников — от Филиппонова и Ивановой до Голицына и Комова — онемела оптом.

Другой «специалист» коротко отозвался о картинах импрессионистов, выставленных в Музее изобразительных искусств: «Мазни».

Разумеется, не всегда высказываются столь бесподобно и кратко. Встречаются отрывки, перенесенные из научных публикаций, да, пожалуй, впервые в истории.

«Все это бред смысла, который не-

важен», «Совсем глупые думы».

Запись сотни тысяч. А сколько тут кто успел, ничего не написав, но ушел с выставки и не увидел разнообразия индивидуальных почерков и всех молодых художников — от Филиппонова и Ивановой до Голицына и Комова — онемела оптом.

Другой «специалист» коротко отозвался о картинах импрессионистов, выставленных в Музее изобразительных искусств: «Мазни».

Разумеется, не всегда высказываются столь бесподобно и кратко. Встречаются отрывки, перенесенные из научных публикаций, да, пожалуй, впервые в истории.

«Все это бред смысла, который не-

важен», «Совсем глупые думы».

Запись сотни тысяч. А сколько тут кто успел, ничего не написав, но ушел с выставки и не увидел разнообразия индивидуальных почерков и всех молодых художников — от Филиппонова и Ивановой до Голицына и Комова — онемела оптом.

Другой «специалист» коротко отозвался о картинах импрессионистов, выставленных в Музее изобразительных искусств: «Мазни».

Разумеется, не всегда высказываются столь бесподобно и кратко. Встречаются отрывки, перенесенные из научных публикаций, да, пожалуй, впервые в истории.

«Все это бред смысла, который не-

важен», «Совсем глупые думы».

Запись сотни тысяч. А сколько тут кто успел, ничего не написав, но ушел с выставки и не увидел разнообразия индивидуальных почерков и всех молодых художников — от Филиппонова и Ивановой до Голицына и Комова — онемела оптом.

Другой «специалист» коротко отозвался о картинах импрессионистов, выставленных в Музее изобразительных искусств: «Мазни».

Разумеется, не всегда высказываются столь бесподобно и кратко. Встречаются отрывки, перенесенные из научных публикаций, да, пожалуй, впервые в истории.

«Все это бред смысла, который не-

важен», «Совсем глупые думы».

Запись сотни тысяч. А сколько тут кто успел, ничего не написав, но ушел с выставки и не увидел разнообразия индивидуальных почерков и всех молодых художников — от Филиппонова и Ивановой до Голицына и Комова — онемела оптом.

Другой «специалист» коротко отозвался о картинах импрессионистов, выставленных в Музее изобразительных искусств: «Мазни».

Разумеется, не всегда высказываются столь бесподобно и кратко. Встречаются отрывки, перенесенные из научных публикаций, да, пожалуй, впервые в истории.

«Все это бред смысла, который не-

важен», «Совсем глупые думы».

Запись сотни тысяч. А сколько тут кто успел, ничего не написав, но ушел с выставки и не увидел разнообразия индивидуальных почерков и всех молодых художников — от Филиппонова и Ивановой до Голицына и Комова — онемела оптом.

Другой «специалист» коротко отозвался о картинах импрессионистов, выставленных в Музее изобразительных искусств: «Мазни».

Разумеется, не всегда высказываются столь бесподобно и кратко. Встречаются отрывки, перенесенные из научных публикаций, да, пожалуй, впервые в истории.

«Все это бред смысла, который не-

важен», «Совсем глупые думы».

Запись сотни тысяч. А сколько тут кто успел, ничего не написав, но ушел с выставки и не увидел разнообразия индивидуальных почерков и всех молодых художников — от Филиппонова и Ивановой до Голицына и Комова — онемела оптом.

Другой «специалист» коротко отозвался о картинах импрессионистов, выставленных в Музее изобразительных искусств: «Мазни».

Разумеется, не всегда высказываются столь бесподобно и кратко. Встречаются отрывки, перенесенные из научных публикаций, да, пожалуй, впервые в истории.

«Все это бред смысла, который не-

важен», «Совсем глупые думы».

Запись сотни тысяч. А сколько тут кто успел, ничего не написав, но ушел с выставки и не увидел разнообразия индивидуальных почерков и всех молодых художников — от Филиппонова и Ивановой до Голицына и Комова — онемела оптом.

Другой «специалист» коротко отозвался о картинах импрессионистов, выставленных в Музее изобразительных искусств: «Мазни».

Разумеется, не всегда высказываются столь бесподобно и кратко. Встречаются отрывки, перенесенные из научных публикаций, да, пожалуй, впервые в истории.

«Все это бред смысла, который не-

важен», «Совсем глупые думы».

Запись сотни тысяч. А сколько тут кто успел, ничего не написав, но ушел с выставки и не увидел разнообразия индивидуальных почерков и всех молодых художников — от Филиппонова и Ивановой до Голицына и Комова — онемела оптом.

Другой «специалист» коротко отозвался о картинах импрессионистов, выставленных в Музее изобразительных искусств: «Мазни».

Разумеется, не всегда высказываются столь бесподобно и кратко. Встречаются отрывки, перенесенные из научных публикаций, да, пожалуй, впервые в истории.

«Все это бред смысла, который не-

важен», «Совсем глупые думы».

Запись сотни тысяч. А сколько тут кто успел, ничего не написав, но ушел с выставки и не увидел разнообразия индивидуальных почерков и всех молодых художников —

ЗВУЧИТ СОВЕТСКАЯ МУЗЫКА

НЕЗАБЫВАЕМЫМ ДНИЯМ борьбы за утверждение революции, дням самоотверженной борьбы с боязниадеяниями политическими посвящено немало музыкальных сочинений. Недавно музикальная летопись революции пополнилась новым произведением — ораторией В. Рубина «Синяя весна».

Истоки сочинения — в революционном писце с ее суровой прямотой и мукой, горячей верой в грядущую победу. Музыка оратории склонно оливия тем цветом времени, который был для поэта Лутовского образом синонимом революции, вечного движенияперед, бодрой и радостной силы.

Герой произведения — паро, поднявшийся на борьбу за новый мир, за справедливость и человечность. Автора интересует прежде всего становление характера революционного борца, выходящего из горнила жизненных испытаний: мужественныи и закаленным.

Литературной основой сочинения послужила выполненный композито-

ЭПОС, РОЖДЕННЫЙ ОКТЯБРЕМ

ром свободный монтаж стихотворений Лутовского, написанных в разные годы. В первой части использовано стихотворение «Курскаяская весна» (1940 г.); третье, «Власти Перекопа» — наиболее сложная по композиции, включает фрагменты стихов «Перекопа» (1927 г.) и «Атаки» (1925 г.); тексты второй части — «Ночная патруль», четвертой — «Синяя весна» и финальной — «Ко стры» замыщены на последней книге Лутовского «Синяя весна».

Выразительные средства, используемые композитором, органично отвечают его замыслу. В оратории два неотделенных друг от друга «действующих» лица: солист и хор. Важ-

СОЧИНЕНИЕ НАЧИНАЕТ ЖИТЬ

ЕСТЬ ВЕЩИ, к которым нельзя привыкнуть. Для композитора — это первое исполнение его сочинения, незабываемый праздник, подчас страшные сомнения, ожидание, словесная гамма передвижения, который неизвестно измерить. И сколько бы не было на счету автора таких премьер, все равно он приближает разве лишь к мысли, что ему никогда не наблюдать от комплекса этих радостных и тревожных ощущений.

Уверен, что все это испытывали московские композиторы М. Кусс и А. Чугаев, когда их сочинения впервые были исполнены в двух абонементных концертах в Большом зале Консерватории.

Почему на темы современных русских народных песен Маргарита Кусс чисто недрочувшая рука вставила в программу между Третьей симфонией Рахманинова и Симфонической пасхой Стравинского суральное произведение для автора, или которого известно широкому случаю, меньше, чем времена его знаменитых коллег. На мой взгляд, потому очень удались. Три разнодушные песни, рожденные в далеких друг от друга местах (Новосибирской, Вологодской, Псковской областях), легли к сочинению неотделимыми от языка их нового автора. И получилось так: композитор не штикует, не просто раскрашивает народный материал, а как бы открывает постепенно за первым словом мелодии второй и третьей, все отрывается в большую, сложную и динамичную форму, от медленного вступления через восторженную на песне-частушке «главный звезд» и контрастирующую ему лирическую тему к кульминации, упротой, яркой, и следующему за тем возвращению к первоначальному материалу.

Произведение привлекательно люблю автора к русской (обобщенной, современной) песне, чутко относящим к ней и вообще горючо, как все талантливое. Оно просто и интересно оркестровано.

Из учебников музыки нам известно, что инструментальный концерт есть форма соревнования солиста и оркестра. Мне кажется, что лучше слушать музыку, подозревая об этом, потому что смысл соединения этих двух элементов глубже и тоньше. Вот и Чугаева я слышу не конкретизирующую скрипку, но противостоящую ей массу оркестра, а инструмент, возведенный автором над другими, то сплавляющийся с ними в достижении единой цели. В концерте три части. Начинается он

с бурного оркестрового вступления, как бы раскрывающего занавес, и тут появляется скрипка со своей изысканной темой, необычайной какой-то разновидностью образа, здравыи и умиротворение. Задолженный с этого момента принцип льющейся мелодии продолжен и в очень мягкой и красивой второй части. А финал — веселый, неминской грохотом, по гротеску этого какой-то свой, чуткий, добродушный. Много в концерте хороших находок, партии скрипки — интересна и достаточно труда. Нельзя Школьникову отличить с ней спариваться.

Два больших коллективы — Государственный симфонический оркестр и оркестр Московской филармонии, два известных дирижера — Е. Светланов и К. Кондратович включили в свой репертуар и удивительно исполнили, как в них авторы получили солидную дозу излучения доброжелательности и блаженности слушателей

— и погасли.

На этом можно было бы и кончить, однако, можно дегт в рассказе об этих сочинениях всплыть я должен.

В не очень длинной истории поэмы М. Кусс есть вещи, застывающие, неко то говорят, недоумевают. Несколько лет назад, поэмы были премированы на конкурсе, прославившаяся в различных конкурсах Союза композиторов, вскоре вызвана одобрение и похвали. Казалось, что это момент призыва льющейся мелодии продолжен и в очень мягкой и красивой второй части. А финал — веселый, неминской грохотом, по гротеску этого какой-то свой, чуткий, добродушный. Много в концерте хороших находок, партии скрипки — интересна и достаточно труда. Нельзя Школьникову отличить с ней спариваться.

Два больших коллектива — Государственный симфонический оркестр и оркестр Московской филармонии, два известных дирижера — Е. Светланов и К. Кондратович включили в свой репертуар и удивительно исполнили, как в них авторы получили солидную дозу излучения доброжелательности и блаженности слушателей

— и погасли.

На этом можно было бы и кончить, однако, можно дегт в рассказе об этих сочинениях всплыть я должен.

В не очень длинной истории поэмы М. Кусс есть вещи, застывающие, неко то говорят, недоумевают. Несколько лет назад, поэмы были премированы на конкурсе, прославившаяся в различных конкурсах Союза композиторов, вскоре вызвана одобрение и похвали. Казалось, что это момент призыва льющейся мелодии продолжен и в очень мягкой и красивой второй части. А финал — веселый, неминской грохотом, по гротеску этого какой-то свой, чуткий, добродушный. Много в концерте хороших находок, партии скрипки — интересна и достаточно труда. Нельзя Школьникову отличить с ней спариваться.

Два больших коллектива — Государственный симфонический оркестр и оркестр Московской филармонии, два известных дирижера — Е. Светланов и К. Кондратович включили в свой репертуар и удивительно исполнили, как в них авторы получили солидную дозу излучения доброжелательности и блаженности слушателей

— и погасли.

На этом можно было бы и кончить, однако, можно дегт в рассказе об этих сочинениях всплыть я должен.

В не очень длинной истории поэмы М. Кусс есть вещи, застывающие, неко то говорят, недоумевают. Несколько лет назад, поэмы были премированы на конкурсе, прославившаяся в различных конкурсах Союза композиторов, вскоре вызвана одобрение и похвали. Казалось, что это момент призыва льющейся мелодии продолжен и в очень мягкой и красивой второй части. А финал — веселый, неминской грохотом, по гротеску этого какой-то свой, чуткий, добродушный. Много в концерте хороших находок, партии скрипки — интересна и достаточно труда. Нельзя Школьникову отличить с ней спариваться.

Два больших коллектива — Государственный симфонический оркестр и оркестр Московской филармонии, два известных дирижера — Е. Светланов и К. Кондратович включили в свой репертуар и удивительно исполнили, как в них авторы получили солидную дозу излучения доброжелательности и блаженности слушателей

— и погасли.

На этом можно было бы и кончить, однако, можно дегт в рассказе об этих сочинениях всплыть я должен.

В не очень длинной истории поэмы М. Кусс есть вещи, застывающие, неко то говорят, недоумевают. Несколько лет назад, поэмы были премированы на конкурсе, прославившаяся в различных конкурсах Союза композиторов, вскоре вызвана одобрение и похвали. Казалось, что это момент призыва льющейся мелодии продолжен и в очень мягкой и красивой второй части. А финал — веселый, неминской грохотом, по гротеску этого какой-то свой, чуткий, добродушный. Много в концерте хороших находок, партии скрипки — интересна и достаточно труда. Нельзя Школьникову отличить с ней спариваться.

Два больших коллектива — Государственный симфонический оркестр и оркестр Московской филармонии, два известных дирижера — Е. Светланов и К. Кондратович включили в свой репертуар и удивительно исполнили, как в них авторы получили солидную дозу излучения доброжелательности и блаженности слушателей

— и погасли.

На этом можно было бы и кончить, однако, можно дегт в рассказе об этих сочинениях всплыть я должен.

В не очень длинной истории поэмы М. Кусс есть вещи, застывающие, неко то говорят, недоумевают. Несколько лет назад, поэмы были премированы на конкурсе, прославившаяся в различных конкурсах Союза композиторов, вскоре вызвана одобрение и похвали. Казалось, что это момент призыва льющейся мелодии продолжен и в очень мягкой и красивой второй части. А финал — веселый, неминской грохотом, по гротеску этого какой-то свой, чуткий, добродушный. Много в концерте хороших находок, партии скрипки — интересна и достаточно труда. Нельзя Школьникову отличить с ней спариваться.

Два больших коллектива — Государственный симфонический оркестр и оркестр Московской филармонии, два известных дирижера — Е. Светланов и К. Кондратович включили в свой репертуар и удивительно исполнили, как в них авторы получили солидную дозу излучения доброжелательности и блаженности слушателей

— и погасли.

На этом можно было бы и кончить, однако, можно дегт в рассказе об этих сочинениях всплыть я должен.

В не очень длинной истории поэмы М. Кусс есть вещи, застывающие, неко то говорят, недоумевают. Несколько лет назад, поэмы были премированы на конкурсе, прославившаяся в различных конкурсах Союза композиторов, вскоре вызвана одобрение и похвали. Казалось, что это момент призыва льющейся мелодии продолжен и в очень мягкой и красивой второй части. А финал — веселый, неминской грохотом, по гротеску этого какой-то свой, чуткий, добродушный. Много в концерте хороших находок, партии скрипки — интересна и достаточно труда. Нельзя Школьникову отличить с ней спариваться.

Два больших коллектива — Государственный симфонический оркестр и оркестр Московской филармонии, два известных дирижера — Е. Светланов и К. Кондратович включили в свой репертуар и удивительно исполнили, как в них авторы получили солидную дозу излучения доброжелательности и блаженности слушателей

— и погасли.

На этом можно было бы и кончить, однако, можно дегт в рассказе об этих сочинениях всплыть я должен.

В не очень длинной истории поэмы М. Кусс есть вещи, застывающие, неко то говорят, недоумевают. Несколько лет назад, поэмы были премированы на конкурсе, прославившаяся в различных конкурсах Союза композиторов, вскоре вызвана одобрение и похвали. Казалось, что это момент призыва льющейся мелодии продолжен и в очень мягкой и красивой второй части. А финал — веселый, неминской грохотом, по гротеску этого какой-то свой, чуткий, добродушный. Много в концерте хороших находок, партии скрипки — интересна и достаточно труда. Нельзя Школьникову отличить с ней спариваться.

Два больших коллектива — Государственный симфонический оркестр и оркестр Московской филармонии, два известных дирижера — Е. Светланов и К. Кондратович включили в свой репертуар и удивительно исполнили, как в них авторы получили солидную дозу излучения доброжелательности и блаженности слушателей

— и погасли.

На этом можно было бы и кончить, однако, можно дегт в рассказе об этих сочинениях всплыть я должен.

В не очень длинной истории поэмы М. Кусс есть вещи, застывающие, неко то говорят, недоумевают. Несколько лет назад, поэмы были премированы на конкурсе, прославившаяся в различных конкурсах Союза композиторов, вскоре вызвана одобрение и похвали. Казалось, что это момент призыва льющейся мелодии продолжен и в очень мягкой и красивой второй части. А финал — веселый, неминской грохотом, по гротеску этого какой-то свой, чуткий, добродушный. Много в концерте хороших находок, партии скрипки — интересна и достаточно труда. Нельзя Школьникову отличить с ней спариваться.

Два больших коллектива — Государственный симфонический оркестр и оркестр Московской филармонии, два известных дирижера — Е. Светланов и К. Кондратович включили в свой репертуар и удивительно исполнили, как в них авторы получили солидную дозу излучения доброжелательности и блаженности слушателей

— и погасли.

На этом можно было бы и кончить, однако, можно дегт в рассказе об этих сочинениях всплыть я должен.

В не очень длинной истории поэмы М. Кусс есть вещи, застывающие, неко то говорят, недоумевают. Несколько лет назад, поэмы были премированы на конкурсе, прославившаяся в различных конкурсах Союза композиторов, вскоре вызвана одобрение и похвали. Казалось, что это момент призыва льющейся мелодии продолжен и в очень мягкой и красивой второй части. А финал — веселый, неминской грохотом, по гротеску этого какой-то свой, чуткий, добродушный. Много в концерте хороших находок, партии скрипки — интересна и достаточно труда. Нельзя Школьникову отличить с ней спариваться.

Два больших коллектива — Государственный симфонический оркестр и оркестр Московской филармонии, два известных дирижера — Е. Светланов и К. Кондратович включили в свой репертуар и удивительно исполнили, как в них авторы получили солидную дозу излучения доброжелательности и блаженности слушателей

— и погасли.

На этом можно было бы и кончить, однако, можно дегт в рассказе об этих сочинениях всплыть я должен.

В не очень длинной истории поэмы М. Кусс есть вещи, застывающие, неко то говорят, недоумевают. Несколько лет назад, поэмы были премированы на конкурсе, прославившаяся в различных конкурсах Союза композиторов, вскоре вызвана одобрение и похвали. Казалось, что это момент призыва льющейся мелодии продолжен и в очень мягкой и красивой второй части. А финал — веселый, неминской грохотом, по гротеску этого какой-то свой, чуткий, добродушный. Много в концерте хороших находок, партии скрипки — интересна и достаточно труда. Нельзя Школьникову отличить с ней спариваться.

Два больших коллектива — Государственный симфонический оркестр и оркестр Московской филармонии, два известных дирижера — Е. Светланов и К. Кондратович включили в свой репертуар и удивительно исполнили, как в них авторы получили солидную дозу излучения доброжелательности и блаженности слушателей

— и погасли.

На этом можно было бы и кончить, однако, можно дегт в рассказе об этих сочинениях всплыть я должен.

В не очень длинной истории поэмы М. Кусс есть вещи, застывающие, неко то говорят, недоумевают. Несколько лет назад, поэмы были премированы на конкурсе, прославившаяся в различных конкурсах Союза композиторов, вскоре вызвана одобрение и похвали. Казалось, что это момент призыва льющейся мелодии продолжен и в очень мягкой и красивой второй части. А финал — веселый, неминской грохотом, по гротеску этого какой-то свой, чуткий, добродушный. Много в концерте хороших находок, партии скрипки — интересна и достаточно труда. Нельзя Школьникову отличить с ней спариваться.

Два больших коллектива — Государственный симфонический оркестр и оркестр Московской филармонии, два известных дирижера — Е. Светланов и К. Кондратович включили в свой репертуар и удивительно исполнили, как в них авторы получили солидную дозу излучения доброжелательности и блаженности слушателей

— и погасли.

На этом можно было бы и кончить, однако, можно дегт в рассказе об этих сочинениях всплыть я должен.

В не очень длинной истории поэмы М. Кусс есть вещи, застывающие, неко то говорят, недоумевают. Несколько лет назад, поэмы были премированы на конкурсе, прославившаяся в различных конкурсах Союза композиторов, вскоре вызвана одобрение и похвали. Казалось, что это момент призыва льющейся мелодии продолжен и в очень мягкой и красивой второй части. А финал — веселый, неминской грохотом, по гротеску этого какой-то свой, чуткий, добродушный. Много в концерте хороших находок,

